

Элинсия молча следовала за Леди Сильвией, пока та и другие чародейки шли к ожидавшему их магическому транспортному средству.

Она хотела остаться и поговорить с Каспианом, но Леди Сильвия сказала ей, что они уходят, и она должна идти с ними. В то время как женщина говорила своим обычным спокойным тоном, и выражение ее лица ничего не выражало, у Элинсии было чувство, что ее опекунша была расстроена ею.

- Похоже, этот турнир будет интересным, - сказала Леди Аакаршана.

- Хех, да, особенно с тех пор, как наша маленькая Элинсия ясно дала понять, за кого она болеет, - согласилась Леди Аакаршака, ухмыляясь и обнимая Элинсию за плечи. Шагая впереди, Леди Сильвия споткнулась. - Но, на самом деле, это было довольно смело с твоей стороны, Элинсия, дать понять, чьей победы ты хотела еще до начала турнира.

Элинсия почувствовала, как ее щеки запылали.

- Я... это не... я имею в виду, Каспиан - мой друг детства, и мы дали обещание, так что ...

- Ох-хо! Обещание. - Улыбка госпожи Аакаршаки стала еще шире, почти расколов ее лицо пополам. - Что именно вы пообещали друг другу?

Все еще не глядя в их сторону, Леди Сильвия чуть не споткнулась на лестнице, когда они вышли на улицу.

- А, это было... э-э... - Элинсия не могла вспомнить, когда она начала вертеть пальцами. - ... когда мы были младше, Каспиан обещал, что станет моим рыцарем, а я обещала стать его колдуньей.

- Так, подожди... - Уши Элинсии дернулись, когда Александр заговорил своим громким голосом. - ...значит ли это, что нам не нужно даже проводить этот турнир?

- Не смешите меня, молодой человек. - Леди Сильвия наконец повернула голову и посмотрела на них. Ее глаза могли заставить замерзнуть Тартаром. - Этот турнир - почтенная временем традиция, которую необходимо поддерживать. Если бы колдунья могла выбрать себе в рыцари кого угодно, то законы, традиции и ценности, установленные со времени основания Совета Колдуний, утратили бы всякий смысл.

Теперь лицо ее опекунши не изменилось. Спокойствие. Ноль эмоций. Вечно молодой фасад, вырезанный из алебаstra. И все же... Элинция была почти уверена, что Леди Сильвия пристально смотрит на нее.

«А я?... что-то не так?»

- О боже, - пробормотала Леди Эрика, улыбаясь от уха до уха. - Похоже, Сильвия расстроена. Отлично, Элинсия. Молодец.

- ГМ... спасибо? - Спросила Элинсия, не зная, как еще ответить.

Снаружи их ждала пара МАЧТов. Волшебный четырехколесный транспорт. Их гладкий дизайн и блестящий черный внешний вид указывали на то, что они были одним из транспортных средств высшего класса, используемых для перевозки элиты. Элинсия ездила в них всего несколько раз, что в немалой степени объяснялось тем, что ей редко разрешалось покидать особняк Леди Сильвии.

- Что ж, полагаю, здесь наши пути разойдутся, - сказала Леди Эрика с загадочной улыбкой, в которой, казалось, было больше, чем намек на озорство.

- До свидания, Леди Эрика. - Элинсия поклонилась женщине.

- Какая вежливая девушка, - пробормотала Леди Эрика, прежде чем наклонилась и прошептала на ухо Элинсии: - молодец, что разозлила эту старую летучую мышь.

- Что?

Откинувшись назад, Леди Эрика покачала головой.

- Неважно. В любом случае, я зайду завтра, чтобы продолжить обучение.

- Что вы имеете в виду, говоря, что зайдете к ней?- Прервала его леди Сильвия.

- О, вы не знали? - Леди Эрика усмехнулась. - Если вы еще не знаете, то, боюсь, я не могу вам сказать. Это наш с Элинсией секрет. - Леди Сильвия вздрогнула. - Что ж, увидимся позже. Пока-пока, плоские груди.

- Кого, черт возьми, ты называешь плоскогрудой, старая ведьма?! - Леди Аакаршака погрозила кулаком уходящей Эрике.

- Ты знаешь, что мы старше ее, не так ли?- Пробормотала леди Аакаршана.

- Пойдем, Элинсия, - сказала Леди Сильвия, когда Д'Артаньян открыл перед ними дверь.

- П... Правильно!

Элинсия и все остальные сели в машины. Та, в которой она сидела, несла в себе леди Сильвию

и Д'Артаньяна, леди Карен и Долтена. Когда машина медленно тронулась, выезжая из массивных ворот Академии, Элинсию потянуло к гному.

- Э... эм, извините? - сказала она. Гном посмотрел на нее. - Мне... просто интересно... откуда...

- Как Долтен стал моим рыцарем - вот что ты хочешь спросить, верно? - Спросила леди Карен, даже не потрудившись оторвать взгляд от работы.

Казалось, она играла с каким-то маленьким устройством в форме прямоугольника. Из него торчали провода, и каждый из них время от времени искрился. Элинсия заметила, что леди Карен играла с этой штукой весь ужин.

- ГМ... да, это. - Она посмотрела на Долтена и улыбнулась. - Не могли бы вы рассказать мне, как вы стали рыцарем леди Карен?

- Не беспокойтесь, - проворчала Карен. - Долтен не может говорить.

- Не может? - Элинсия моргнула. - Почему не может?

- Потому что ему отрезали язык несколько лет назад.

- У... что?

Элинсию охватил такой ужас, словно в нее ударила молния Зевса. Она резко встала, словно слова леди Карен заставили ее действовать. Потом снова села, когда ее голова ударилась о потолок автомобиля. Всклипывая, она покачивала головой, а Леди Сильвия вздохнула.

- Я не видела такой реакции раньше, - пробормотала леди Карен, продолжая работать над своей магической технологией.

Оправившись от травмы головы, Элинсия бросила на леди Карен умоляющий взгляд.

- Зачем это нужно?

- А, ну, Долтен был одной из попыток Леди Сильвии преодолеть пропасть между людьми и гномами, - сказала леди Карен, взглянув на Долтена, который, видимо почувствовав ее взгляд, поднял глаза. - У Хельхейма самая высокая численность гномов в Террарии, так что, думаю, было вполне естественно, что в нашу академию выбрали одного из них. К сожалению, не всегда все получается так, как нам хочется.

Элинсия знала, что ей не хватает мирских знаний. Она не знала, как устроен мир за

пределами ее учебников и чему научили ее слуги в особняке Леди Сильвии. Однако в последнее время она начала понимать, насколько несправедливым может быть мир. С каспианом обращались как с мусором. Никто даже не знал о его статусе полуэльфа. Они просто ненавидели его, потому что он не был благородным.

Ненависть между людьми и нелюдьми была хорошо документированным фактом. Эльфы затаили злобу на человечество еще со времен эльфийских войн, и гномы возненавидели их почти с того момента, как перед ними появились люди. Точно так же люди были предубеждены против любого, кто не был человеком.

Ни одна из этих сторон не была виновата. Леди Сильвия всегда говорила ей, что мир еще не достигнут, потому что эти расы не понимают друг друга. Она уже давно пыталась добиться взаимопонимания между этими тремя расами, но пока ей это не удавалось. Ненависть все еще цвела в сердцах гномов, эльфов и людей.

«Эти люди...»

Элинсия могла себе представить, как плохо Долтена должны были лечить. Зная, что он не может говорить, что ему отрезали язык, она могла догадаться, что они сделали.

- Это ужасно, - прошептала она, шмыгая носом и вытирая глаза.

- Такова жизнь. - Леди Карен пожала плечами.

- Пожалуйста, перестаньте говорить об этом, - попросила Леди Сильвия.

Элинсия замолчала, а леди Карен вернулась к своей машине. Долтен, казалось, был так же полон решимости помочь леди Карен во всем, что бы она ни делала. Время от времени он указывал на что-то, и колдунья кивала и что-то меняла внутри машины.

Несмотря на то, что поездка заняла всего несколько минут, для Элинсии она показалась намного длиннее. Тишина была удушающей. Леди Карен и Долтен были поглощены работой, а Леди Сильвия сидела, скрестив руки на груди и закрыв глаза. Д'Артаньян стоял рядом с ней неподвижно, словно высеченный из камня безмолвный часовой.

Когда они подъехали к особняку и вышли из машины, Леди Сильвия повернулась к ней и сказала:

- Я хочу кое-что с тобой обсудить.

Она последовала за Леди Сильвией в особняк вместе с остальными, и внутри у нее все затрепетало. Леди Карен и Долтен расстались с ними. Д'Артаньян молча последовал за ней и Леди Сильвией.

Леди Сильвия провела ее в кабинет. Ее обутые в сандалии ноги скользили по мягкому ковру. Леди Сильвия подошла к камину и зажгла его с помощью духовного заклинания.

- Пожалуйста, сядь, Элинсия.

Элинсия нервно села, положив руки на колени и стараясь не шевелить пальцами. Она чувствовала себя ребенком, которого вот-вот отчитают. Наконец Леди Сильвия повернулась к ней, и, хотя выражение ее лица осталось прежним, на нем отразилось недовольство.

- Я очень разочарована в тебе, Элинсия, - слова Леди Сильвии пронзили ее, как нож.

- У... почему? - Это было единственное слово, но оно имело такой вес.

- Тебе даже не нужно задавать этот вопрос. - Леди Сильвия уставилась на нее. Она казалась крупнее, чем помнила Элинсия, но, возможно, это просто играло с ней злую шутку. - Во время своей речи ты не только забыла по меньшей мере дюжину строк, которым я тебя учила, но и не сводил глаз с Каспиана.

На мгновение Элинсия смутилась.

- Какое отношение это имеет к Каспиану?

- Как колдунья, ты должна оставаться беспристрастной во время этих событий, тем более, что это событие проводится в твою честь. Проявлять пристрастность к одному из участников - то же самое, что объявлять победителя еще до того, как турнир будет решен.

Элинсия закусила губу.

- Вы хотите сказать, что я должна была игнорировать Каспиана?

- Я хочу сказать, что ты не должна выставлять свою любовь напоказ, - поправила Леди Сильвия.

- Каспиан - мой лучший друг.

- В данной ситуации это не имеет значения. Ты должна думать о своих обязанностях колдуньи. Здесь нельзя играть в избранное. Это может вызвать негодование других конкурентов, которые придут к выводу, что ты не хочешь, чтобы они победили.

- Но я и не хочу, чтобы они победили, - сказала Элинция громче, чем намеревалась.

- Прошу прощения?

- Я не хочу, чтобы они победили. Я не хочу, чтобы никто побеждал. Только Каспиан. Я никогда не смогу принять в рыцари никого другого.

Леди Сильвия наконец проявила эмоции. Она нахмурилась.

твоим рыцарем. Если Каспиан не победит, это будет разочарованием, но это не мешает моей конечной цели.

- Конечной... цели?

- Мирное сосуществование людей и эльфов, - сказала Леди Сильвия. - Такова была моя цель после войны. Я пытался много раз, но никогда не добивался успеха. С тобой, эльфийской колдуньей, теперь в наших рядах, я верю, что достижение мира возможно.

Это была хорошая цель. Элинсия признала бы это и не стала бы отрицать, что хотела бы, чтобы люди и эльфы тоже ладили. Однако...

- Каспиан будет моим рыцарем, - сказала она.

- Только если он победит, - возразила Леди Сильвия.

- Он победит. Каспиан никогда не проиграет. Он обещал мне, что станет моим рыцарем.

- Если кто-то дает обещание, это не значит, что он всегда будет его выполнять.

Элинсия не могла поверить своим ушам. Леди Сильвия никогда особенно не поддерживала ее. По правде говоря, она редко видела эту женщину, за исключением тех случаев, когда Леди Сильвия переставала выполнять свои обязанности колдуньи. Но даже тогда холодное поведение леди Сильвии и полное отсутствие сочувствия мешали Элинсии разговаривать с ней. Между ними всегда была пропасть, которая медленно расширялась по мере того, как она становилась старше и менее зависимой.

- Каспиан сдержит свое обещание, - прошептала она. Она почувствовала, как слезы жгут глаза. Сама мысль, сама мысль о том, что Каспиан не сможет сдержать свое обещание, причиняла боль.

- Прошу прощения?- Спросила леди Сильвия, подняв бровь.

- Каспиан сдержит свое обещание, - громко сказала Элинция. - Он сдержит. Просто смотрите.

- Было бы неплохо, если бы он стал твоим рыцарем, - согласилась Леди Сильвия. - Однако в этом нет необходимости. Независимо от того, кто станет твоим рыцарем, мирное сосуществование будет достигнуто.

- Мирное сосуществование, - пробормотала Элинция. - Это все, что вас волнует? Мирное сосуществование? А как же мои чувства? А что насчет того, чего я хочу? Я не хочу, чтобы кто-то еще был моим рыцарем! Я отказываюсь общаться с кем-то, кто не Каспиан! Он единственный, кого я приму!

- Почему ты так упряма?- Спросила леди Сильвия.

- Потому что Каспиан - единственный человек, которого я хочу видеть своим рыцарем!

- Но почему?- Настаивала леди Сильвия, как будто не понимая, почему Элинция придавала этому такое большое значение. - Не важно, кто твой рыцарь. Все это имеет значение, если твой рыцарь может выполнять свою работу. Хотя Каспиан действительно станет для тебя хорошим рыцарем, и я молюсь, чтобы он действительно стал рыцарем, подойдет любой из молодых людей, участвующих в турнире.

- Вы... вы действительно не понимаете, что я чувствую, не так ли? - С возрастающим ужасом поняла Элинция. - Вы понятия не имеете, что я чувствую к Каспиану, не так ли?

- Что ты чувствуешь?- Леди Сильвия нахмурилась. - Я не понимаю.

- Нет... Полагаю, что нет. - Элинция не знала почему, но ей хотелось плакать. - Леди Сильвия, я люблю Каспиана. Я люблю его больше, чем можно выразить словами, больше, чем могу выразить словами. Он для меня все. Вот почему я не принимаю никого другого в рыцари. Стать связанным с кем-то другим, разделить связь с кем-то, кто не Каспиан... Я не могу этого сделать.

- Любовь? Какая бесполезная эмоция.

- Ч... что?

- Колдунье не нужна любовь, - холодно заявила Леди Сильвия. - Любовь затуманивает разум и наполняет его ненужными желаниями. Это заставляет тебя забыть свой долг, превращает тебя в раба, и когда эти чувства любви, наконец, исчезают, ты остаешься горькой и пустой, как Эрика. Не превращайся в эту женщину, Элинция. Тебе не нужна любовь.

- Как вы можете так говорить?- Спросила Элинция. - Возможно, любовь и не нужна, чтобы выполнять свои обязанности колдуньи, но без любви ты не можешь понимать других.

- Понимание приходит из общения, - лаконично ответила Леди Сильвия, - а не из любви.

- Но без любви нельзя испытывать сострадание к другим!

- Сострадание и любовь не имеют ничего общего друг с другом.

- Они все связаны друг с другом!

Слезы застилали глаза Элинсии, но она все еще смотрела на Леди Сильвию. Оглядываясь на свою жизнь, она знала, что Леди Сильвия всегда была такой, даже когда они впервые встретились. Элинсия до сих пор помнила первые слова, сказанные ей этой колдуньей: «Ты можешь быть разлучена со своей семьей, но не волнуйся, дитя. Семья - это просто слово для людей, которые связаны с тобой по крови. Ты, в конце концов, забудешь о них, поэтому нет необходимости проливать слезы».

Леди Сильвия всегда была такой, верила в объективность превыше всего. Тем не менее, слышать, как женщина говорит такие вещи, было больно. Было так больно, что Элинсии захотелось свернуться калачиком и заплакать.

Покачивая головой, Леди Сильвия выглядела крайне разочарованной.

- Похоже, с возрастом твоя порывистость не уменьшилась. Я надеялась, что вдали от Каспиана сосредоточенность на учебе научит тебя мудрости, но, похоже, тебе еще многому предстоит научиться.

- Что вы подразумеваете под «находясь вдали от Каспиана»? - Тихо спросила Элинсия дрожащим голосом.

- Я имею в виду, что заставила Каспиана приехать в Академию раньше, чем большинство, чтобы разлучить вас, - леди Сильвия произнесла эти слова так спокойно и с таким спокойствием, что Элинсия почувствовала себя так, будто кто-то воткнул ей кол в сердце. - Вы с Каспианом действовали опрометчиво. Ты ускользаешь из особняка, ты загоняешь слуг в землю своими неуправляемыми способами, ты сходишь с ума по городу, ты теряешься, а затем возвращаешься посреди ночи, как будто ничего не случилось, ты не думаешь о том, как твои действия будут восприняты другими. Когда вас с Каспианом похитили и чуть не убили, я решила, что с меня хватит. Я послала Каспиана в Академию, чтобы разделить вас, чтобы он мог сосредоточиться на том, чтобы стать рыцарем, а ты - колдуньей.

- Я... Я не могу поверить, что вы, - прошептала Элинсия. Она была рада, что сидит, иначе упала бы на пол. Ее ноги превратились в желе. - Не могу поверить, что вы так с нами поступили!

- Мне не пришлось бы этого делать, если бы ты вела себя подобающим образом, - упрекнула ее

Леди Сильвия, как ребенка, которого надо отругать.

Элинсия стиснула зубы, из ее глаз хлынули горячие слезы. Бороться с эмоциями было невозможно. Они обрушились на нее, как потоп, бомбардируя со всех сторон. Ей хотелось кричать, плакать, ругать человека, который, как она всегда считала, заботился о ней.

«Неужели все это ложь? Неужели все, что Леди Сильвия делала для меня, было ложью?»

Не в силах оставаться в одной комнате с этой женщиной, Элинсия встала и направилась к двери.

- Куда ты идешь?

- Повидать Каспиана.

- Ты не можешь, - сказала Леди Сильвия. - Теперь, когда турнир начался, ты не можешь позволить себе проявлять фаворитизм. Это так же ради него, как и ради тебя.

- Мне все равно!

Элинсия попыталась дотянуться до двери, но Д'Артаньян, молча стоявший у выхода с тех пор, как они вошли, схватил ее за руку.

- Отпусти меня!

- Прошу прощения, Леди Элинсия. - Хватка д'Артаньяна была стальной. - Но я не могу выполнить вашу просьбу. Пожалуйста, не усложняй себе жизнь.

- Отпусти меня! Отпусти! Я хочу видеть Каспиана!

- Д'Артаньян, пожалуйста, отведите Элинсию в ее комнату и проследите, чтобы она там оставалась. Если она попытается вызвать духа, я даю вам разрешение использовать поле подавления маны.

- Да, Миледи.

Элинсия вырывалась из рук Д'Артаньяна, но, как ни старалась, не могла вырваться. Он наполовину тащил, наполовину нес ее по коридору, пока они не добрались до ее комнаты. После этого он втолкнул ее внутрь и закрыл дверь. Элинсия услышала, как дверь за ним закрылась.

- Выпустите меня! - Элинсия постучала в дверь. - Выпустите меня сейчас же!

- Мне очень жаль, но вы знаете, что я не могу этого сделать, - ответил Д'Артаньян. - Пожалуйста, не пытайтесь вызвать духа. Этот особняк был построен с использованием адамантина. Любая Мана, которую вы пытаетесь использовать, будет просто впитываться через пол и стены.

Элинсия кричала. Она колотила и пинала дверь, хотя знала, что это бесполезно. Когда последние силы оставили ее, она опустилась на колени и прижалась лицом к двери.

В тот день Элинция горько заплакала, осознав, что Леди Сильвия никогда не видела в ней ничего, кроме оружия.

Отпустив Элинсию, Сильвия села за стол в кабинете.

Из-за фестиваля у нее было еще больше работы, которую нужно было закончить. Протоколы должны быть прочитаны, документы должны быть подписаны, а решения должны быть приняты.

У других чародеек были свои обязанности, возможно, даже более важные, чем у нее. В отличие от нее, они все были вовлечены в свои Академии. Каждая из них была директрисой академии, и поэтому они отвечали за повседневные дела и выработку политики.

Сильвия возложила эту задачу на Стрателло. В то время как некоторые люди комментировали это, заявляя, что ей не хватает приверженности других, правда заключалась в том, что она не хотела, чтобы аристократы думали, что она следит за каждым их шагом. Для укрепления доверия между двумя сторонами необходимо установить это доверие. Сильвия давно решила довериться знати, хотя и не всегда с ней соглашалась.

Через несколько минут после того, как она начала читать донесения, вошел Д'Артаньян, бесшумно пересек комнату и остановился у нее за спиной.

- Элинсия успокоилась?- Спросила Сильвия.

- Она перестала плакать, если вы это имеете в виду.

- Понятно.

На мгновение повисла пауза. Не было слышно ни звука, кроме шелеста бумаги, потрескивания огня и собственных движений Д'Артаньяна. Сзади послышался легкий скрип кожи.

- У тебя что-то на уме, - заявила она.

- Неужели это было необходимо?

- Вельможи уже подняли шум. Кажется, они получили известие от своих детей о том, что Элинсия благоволит Каспиану. Я получила много писем от знатных семей с требованием исключить Каспиана из Академии.

За спиной снова заскрипела кожа.

- Знать любит жаловаться. Они протестовали и тогда, когда он только поступил. Как и во всех остальных случаях, я думаю, то, что здесь произошло, скоро уляжется. Хотя, я думаю, причина, по которой протесты, в конце концов, прекратились из-за его зачисления, в том, что они верили, что он никогда ничего не достигнет. Теперь, когда он стал участником турнира и, очевидно, пользуется благосклонностью самой Леди Элинсии, дворяне беспокоятся, что крестьяне увидят в нем маяк надежды.

- Глупая мысль. - Сильвия отложила газету, которую читала, подписала ее и откинулась на спинку сиденья. - Даже крестьяне его не любят. Для них Каспиан - не столько символ, на который можно смотреть снизу вверх, сколько тот, кто сделал то, что не смогли они. Они ненавидят его так же сильно, как и дворянство — только по противоположным причинам.

- Похоже, мы сильно осложнили ему жизнь.

Сильвия взяла другой отчет. Речь шла о росте разногласий между определенной группой аристократов и низших классов. Другими словами, это было бесполезно, но, в конечном счете, что-то, что ей нужно было прочитать.

- Действительно. Однако ничего не поделаешь. Чтобы воцарился мир, Каспиан должен стать рыцарем, а Элинсия - колдуньей. Я не могу допустить, чтобы они растрачивали свою родословную, как это было, когда они оба были под моей опекой.

- Разве вы не могли сообщить обо всем этом Элинсии?

Сильвия прервала чтение.

- Наверное, следовало. Эта мысль не приходила мне в голову.

- Это потому, что вы предполагали, что она поймет без ваших объяснений.

- Она должна была знать, почему я не могу позволить ей больше видеть Каспиана. Чем больше она будет вертеться вокруг него, тем больше враждебности будет расти между знатью и Советом Чародеек.

- Если Каспиан станет рыцарем Элинсии, недовольство возрастет еще больше.

- Нет, если он выиграет сам, - возразила Сильвия. - Если Каспиан победит просто потому, что он лучше всех остальных, дворяне могут пожаловаться, но эти жалобы, в конце концов, утихнут. Однако, поскольку теперь все знают, что Элинсия благоволит к нему, знать будет протестовать, если он станет рыцарем, утверждая, что мы даем фаворитизм крестьянину.

Со времен войны за отделение, в которой колдуньи отобрали у знати контроль над Террарией, разногласия между колдуньями и знатью только усилились. С тех пор это недоверие только шло в гору. Им повезло, что дворяне составляли лишь около пяти процентов всего населения Террарии. И все же Сильвия не хотела сердить аристократов и заставлять их действовать опрометчиво, вот почему она больше не позволяла Элинсии демонстрировать свое явное расположение к Каспиану.

«Я не должна была позволять этой девушке проводить так много времени с Каспианом последние две недели».

Было ошибкой проявлять такую снисходительность к девушке, но сейчас не было смысла беспокоиться о чем-то подобном. Ей просто придется смириться с последствиями, подавить огонь, бушующий в сердцах знати, и сделать все возможное, чтобы с Каспианом и Элинсией не случилось ничего плохого.

Она возлагала надежду на этих двоих. Однако грядущие испытания будут их. Если они не смогут одолеть их без ее помощи, то ее планы в любом случае окажутся невыполнимыми.

Она молилась, чтобы они оправдали ее ожидания.

<http://tl.rulate.ru/book/24513/529262>